

- Howell F.C.** Observations of the earlier phases of the European Lower Palaeolithic // *American Anthropologist*. – 1966. – Vol. 68(2). – P. 88–201.
- Imbrie J., Hays J.D., Martinson D.G., McIntyre A., Mix A.C., Marley J.J., Pisias N.G., Prell W.L., Shackleton N.J.** The orbital theory of Pleistocene climate: support from a revised chronology of the marine $\delta^{18}\text{O}$ record // *Milankovitch and climate* / Eds. A.L. Berger, J. Imbrie, J. Hays, G. Kukla and B. Saltzman. – Dordrecht: Reidel, 1984. – Pt. 1. – P. 269–305.
- Keeley L.H.** Experimental determination of stone tool uses. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 60 p.
- Kumar G.** Daraki-Chattan: a Palaeolithic cupule site in India // *Rock Art Research*. – 1996. – Vol. 13. – P. 38–46.
- Kumar G., Bednarik R.G., Watchman A., Roberts R.G., Lawson E., Patterson C.** 2002 progress report of the EIP Project // *Rock Art Research*. – 2003. – Vol. 20. – P. 70–71.
- Kumar G., Sharma M.** Petroglyph sites in Kalapahad and Ganesh Hill: documentation and observations // *Purakala*. – 1995. – Vol. 6. – P. 56–59.
- Laidler P.W.** Dating evidence concerning the Middle Stone Ages and a Capsio-Wilton culture, in the South-East Cape // *South African Journal of Science*. – 1933. – Vol. 30. – P. 530–542.
- Leakey L.S.B.** Recent discoveries at Olduvai Gorge, Tanganyika // *Nature*. – 1985. – Vol. 19. – P. 1099–1103.
- Leakey M.D.** Olduvai Gorge. – Cambridge: Cambridge University Press, 1971. – Vol. 3: Excavations in Beds I and II, 1960–1963. – 306 + XXI p.
- Lumley H., de.** Les fouilles de Terra Amata à Nice. Premiers resultants // *Bulletin du Musée d'Anthropologie Préhistorique de Monaco*. – 1966. – Vol. 13. – P. 29–51.
- McBrearty S.** The Middle Pleistocene of East Africa // *Human roots: Africa and Asia in the Middle Pleistocene* / Eds. L. Barham, K. Robson-Brown. – Bristol: Western Academic and Specialist Press, 2001. – P. 81–92.
- Mania D.** The zonal division of the Lower Palaeolithic open-air site Bilzingsleben // *Anthropologie*. – 1991. – Vol. 29. – P. 17–24.
- Mania D., Mania U.** Deliberate engravings on bone artefacts of *Homo erectus* // *Rock Art Research*. – 1988. – Vol. 5. – P. 91–107.
- Marshack A.** The meander as a system: the analysis and recognition of iconographic units in Upper Palaeolithic compositions // *Form in indigenous art. Schematisation in the art of Aboriginal Australia and prehistoric Europe* / Ed. by P.J. Ucko. – Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1977. – P. 286–317.
- Marshack A.** On Paleolithic ochre and the early uses of color and symbol // *Current Anthropology*. – 1981. – Vol. 22. – P. 188–191.
- Marshack A.** A Middle Palaeolithic symbolic composition from the Golan Heights: the earliest known depictive image // *Current Anthropology*. – 1996. – Vol. 37. – P. 357–365.
- Marshack A.** The Berekhat Ram figurine: a late Acheulian carving from the Middle East // *Antiquity*. – 1997. – Vol. 71. – P. 327–337.
- Miller G.H., Beaumont P.B., Brooks A.S., Deacon H.J., Hare P.E., Jull A.J.T.** Earliest modern humans in South Africa dated by isoleucine epimerization in ostrich eggshell // *Quaternary Science Reviews*. – 1999. – Vol. 18. – P. 1537–1548.
- Moog F.** Paläolithische Freilandstation im Älteren Löß von Wyhlen (Amt Lörrach) // *Badische Fundberichte*. – 1939. – Bd. 15. – S. 36–52.
- Mottl M.** Die Repolust-Höhle bei Peggau (Steiermark) und ihre eiszeitlichen Bewohner // *Archaeologica Austriaca*. – 1951. – Vol. 8. – P. 1–78.
- Noble W., Davidson I.** Human evolution, language and mind: a psychological and archaeological inquiry. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 272 + XIII p.
- Oakley K.P.** Emergence of higher thought, 3.0–0.2 Ma B.P. // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London*. – 1981. – Vol. B 292. – P. 205–211.
- Pei W.C.** Notice of the discovery of quartz and other stone artifacts in the Lower Pleistocene hominid-bearing sediments of the Choukoutien Cave deposits // *Bulletin of the Geological Society of China*. – 1931. – Vol. 11(2). – P. 109–146.
- Pelcin A.** A geological explanation for Berekhat Ram figurine // *Current Anthropology*. – 1994. – Vol. 35. – P. 674–675.
- Prestwich J.** On the occurrence of flint-implements, associated with the remains of extinct mammalia, on undisturbed beds of a late geological period // *Proceedings of the Royal Society of London*. – 1859. – Vol. 10. – P. 50–59.
- Smith W.G.** Man the primeval savage. – L.: Edward Stanford, 1894. – 361 p.
- Stapleton P., Hewitt J.** Stone implements from Howieson's Poort near Grahamstown // *South African Journal of Science*. – 1928. – Vol. 25. – P. 399–409.
- Steguweit J.** Intentionelle Schnittmarken auf Tierknochen von Bilzingsleben – Neue lasermikroskopische Untersuchungen // *Praehistoria Thuringica*. – 1999. – Bd. 3. – S. 64–79.
- Thévenin A.** Les civilisations du paléolithique intérieur en Alsace // *Le préhistoire française* / Ed. by H. de Lumley. – P.: Centre National de la Recherche Scientifique, 1976. – Vol. 1: Les civilisations paléolithiques et mésolithiques de la France. – P. 984–996.
- Valoch K.** The early Palaeolithic site Stránská skála I near Brno (Czechoslovakia) // *Anthropologie*. – 1987. – Vol. 25. – P. 125–142.
- Vishnyatsky L.B.** 'Running ahead of time' in the development of Palaeolithic industries // *Antiquity*. – 1994. – Vol. 68. – P. 134–140.
- Ziegert H.** Das neue Bild des Urmenschen // *Uni HH-Forschung: Wissenschaftsberichte aus der Universität Hamburg*. – Hamburg: Pressestelle der Universität. – 1995. – Bd. 30. – S. 9–12.

УДК 903.27

Г.П. Григорьев*Институт истории материальной культуры
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191065, Россия
E-mail: Grigoriev@GG11569:spb.edu*

**ЗАМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ Я.А. ШЕРА
“СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА”
(Археология, этнография и антропология Евразии. –
2004. – № 2 (18). – С. 36–52)**

Я.А. Шер взял на себя непосильную ношу – написать статью, в которой были бы поставлены основные вопросы, связанные с первобытным искусством. Указать на спорные вопросы ему, пожалуй, и вовсе не удалось. В его статье больше очевидного и бесспорного. Принимая во внимание это обстоятельство, следует признать статью Я.А. Шера интересной, постановку вопроса – широкой. Может быть, она излишне широка. Но иначе и нельзя было поступить, у каждого археолога (или историка) свой взгляд на то, что самое важное в первобытном искусстве. Термин “первобытное искусство” слишком широкий. Кажется, это понимает и автор статьи, но не догадывается, как близок он к мысли, что уже давно пора отделить искусство палеолита от искусства первобытных народов – то ли эпохи бронзы, то ли современных австралийцев. Может быть, это и будет первый спорный (для него) вопрос.

Понятие “первобытное искусство” включает в себя уж очень разные явления. Это и профессиональная роспись в пещере Шове, и кукла, на скорую руку сооруженная тунгусской женщиной по случаю. Вряд ли такая широта позволит найти закономерности развития и того, и другого. Широта автора статьи подкупает, но это обстоятельство одновременно приводит к несамостоятельности в постановке вопросов. А предложение чуть ли не приравнять первобытное искусство к фольклору уведет в направлении, противоположном ранее намеченному пути – различить палеолитическое искусство и искусство первобытных народов. Неспециалист всегда бывает оболочен знатоком искусства и литературы Древней Греции или

русского фольклора. А потом другие специалисты по фольклору, часто – узкие, указывают на грубые ошибки знатока русского фольклора. После прочтения статьи хочется узнать, а где, в какой области знаний Я.А. Шер известен как специалист, чтобы там ему и поверить в наибольшей степени. Когда же он рассуждает о характере труда до австралопитеков, о технике раскалывания камня и о прогрессе – ему трудно верить. Дело это узкоспециальное, и новые работы скорее указывают на большую сложность трудовых процессов, чем мы думали раньше.

Далее Я. А. Шер осторожно присоединяется к тем, пока немногочисленным, специалистам (чаще не в области искусства, а по совместительству), которые отказывают искусству древности чуть ли не до нового времени в праве быть искусством.

Если говорить о проблемах, касающихся именно искусства, то, конечно, на первом месте автором правильно поставлен вопрос об эволюции искусства и ее нормах. Его постановка может быть только в пределах, например, палеолита, о чем и идет сейчас оживленная дискуссия. Но экскурсы в искусство другого рода вряд ли помогут в решении этого вопроса. Я понимаю, что десять лет тому назад можно было говорить о мифопоэтических образах, сопоставлять Полифема и Лихо Одноглазое и думать, будто семантическая пара “бык – женщина” существует с верхнего палеолита до античности и позднее. Тогда нужно было ссылаться на Б.А. Рыбакова. Но теперь мода на это как будто прошла. Я не думаю, что колесо солнца на петроглифах сопоставимо с изображениями на прятках. Может, оно и так, но ведь методика ис-

следований такого рода никогда не предполагала и минимальных доказательств того, что подобные образы переносились передвигающимся населением. В структурализме достаточно было сказать: в палеолитических материалах рядом женщина и бык (семантическая пара?) и в искусстве Нового времени есть такая пара. Уж очень много в рассуждениях привычных банальностей, правда, из чуждого гуманитариям мира – тут и принцип дополнительности, и работа левого полушария. Ах, как опасно, будучи археологом, судить о Хлудовской псалтыри! И иллюстративная часть ее не так просто понимаема, чтобы поверить нашему пылкому Л.А. Зарубину*. Пример широты воззрений Я.А. Шера – смелое сопоставление “ярко пылающей женщины” из Ригведы с Эос из Гомера и далее с женщиной из Хлудовской псалтыри. Для него это очевидно. Но я не вижу, как такая широта обзора далеко не первобытных источников может помочь в анализе палеолитического искусства. Я.А. Шер полагает, что есть такие образы, которые переходят из древности в современность или в недавние (для археолога) времена. А если они похожи благодаря только ассоциативности нашего мышления, понимания искусства? Уж очень примелькались эти сопоставления первобытного искусства с детским изобразительным творчеством. Рисунки детей без дарования сравнивают с произведениями искусства, где художественные достоинства несомненны. Я думаю, что это несопоставимые явления.

Статья Я.А. Шера традиционна, оснащена по нынешней моде и не нацелена на действительную проблематику искусства палеолита или бронзы. Мне казалось, автору есть что сказать помимо мифопоэтических образов, далеких от тематики археолога.

Гораздо ближе к обсуждаемой теме его мнение о том, что в искусстве палеолита нет распознаваемых

отдельных художников. Но их нет там, где отсутствуют письменные источники, где нет подписных работ. Даже в раннем Возрождении больше половины произведений живописи известны под условным наименованием “мастер мадонны Штрауса” или другим.

Если есть что-нибудь противоположное в изобразительном творчестве, то это монументальное искусство и фольклор. В первом случае предполагается высокое мастерство, устойчивая традиция, сложная система художественных приемов.

Действительная проблема сегодняшнего дня – анализ художественных достоинств произведений искусства, доставшихся археологам. При таком анализе возникает иная проблематика, нежели мифопоэтические образы, которые совпадают по ассоциации и вместе с тем, по мнению Я.А. Шера, несомненно, взаимосвязаны, да еще и перемещаются с носителями этих образов.

Разумеется, приходится отвергнуть как не соответствующую нынешнему пониманию искусства гипотезу Леруа-Гурана, согласно которой половина верхнего палеолита отводится на знаки и элементарные изображения. Следует признать, что Леруа-Гуран и другие исследователи игнорировали многочисленные памятники иного рода, неупрощенные и неэлементарные для первой половины верхнего палеолита. Стало быть, проблема № 1 – это эволюция искусства во время после появления росписи в пещере Шове. И другая проблема, которая, видимо, теперь уже будет решаться без привлечения детских рисунков и без построения макетов, – возникновение искусства. Материала для новых гипотез даже больше чем достаточно. Необходим аппарат для построения гипотезы, нужно принципиальное решение некоторых вопросов. Может быть, появятся наконец искусствоведы, которые отодвинут в сторону археологов и займутся проблемой происхождения искусства.

* Зарубин Л.А. Сходные изображения Солнца и зорь у индоарийцев и славян // Сов. славяноведение. – 1971. – № 6. – С. 41–49.

УДК 903.27

Е.С. Богданов

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru*

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОБРАЗА ХИЩНИКА, СВЕРНУВШЕГОСЯ В КОЛЬЦО, В “ВОСТОЧНОЙ ПРОВИНЦИИ” СКИФСКОГО МИРА

Более 30 лет назад В.А. Ильинская в одной из своих основополагающих работ написала, что свернувшегося в кольцо хищника “следует относить к числу наиболее оригинальных, самобытных, ниоткуда не заимствованных мотивов, составляющих первоначальное ядро скифского звериного стиля” [Ильинская, 1971, с. 78]. Если принимать во внимание то, что именно в ядре сосредоточена наиболее значимая часть культуры, то становится понятным тот интерес, который вот уже более ста лет проявляют различные исследователи к этому сюжету. В результате изучения удалось выявить его локальные варианты, определить характерные стилистические приемы, а также некоторые формальные и семантические особенности изображений. Из числа специальных исследований, посвященных только этим проблемам, следует отметить работы А.И. Шкурко [1969], В.А. Ильинской [1971], С.С. Сорокина [1972], Л.Л. Барковой [1983], Е.Ф. Чежиной [1984], Г.Н. Курочкина [1993], В.А. Киселя [1994], В.Ю. Зуева [1994], Ю.Б. Полидовича [1994, 2001], С.А. Васильева [1997, 2000]. Однако приходится констатировать, что до настоящего времени остродискуссионными остаются самые важные вопросы, связанные в основном с происхождением и причинами появления образа свернувшегося хищника в культурах скифского облика. Одни исследователи считают его лишь производным от согнутой фигуры, превратившейся в самостоятельный мотив [Членова, 1967, с. 126–127; Шкурко, 1969, с. 33–34; Федоров-Давыдов, 1976, с. 20, 192; Чежина, 1984, с. 61, 64; Абрамова, 1987, с. 89; и др.].

В основе этой теории лежит эволюционный ряд: изображение зверя на вавилонских, ассирийских и ахеменидских предметах > антитетические композиции > одиночная фигура свернувшегося хищника. Однако, как правильно отметила В.А. Ильинская, “здесь налицо глубокий хронологический разрыв, отсутствие непосредственных культурно-исторических контактов, различие в сюжетах и стилях”. Кроме того, “не правомочно проводить параллель между искусством древневосточного круга и памятниками скифского искусства V–IV вв. до н.э., когда на культуру скифов оказывают активное воздействие такие могучие факторы, как искусство ахеменидского Ирана и античной Греции, во многом действительно восходящие к искусству Древнего Востока” [Ильинская, 1971, с. 77].

Есть и другая большая группа исследователей, которые априорно считают, что образ свернувшегося хищника является изобретением собственно скифским, не связанным ни с какой иной изобразительной традицией [Ильинская, 1971, с. 76–78; Сорокин, 1972, с. 75–76; Полидович, 2001; и др.]. “Он появился уже в готовом, полностью оформленном виде в силу возникшей необходимости материализации некоего мифического образа или идеи” [Полидович, 2001, с. 26]. Но тогда совершенно естественно возникает вопрос: что это за “мифический образ или идея”?

Еще в первой половине XX в. К. Йетмар, Х. Хюттель предположили, что образ свернувшегося хищника в скифо-сибирском зверином стиле сформировался на базе китайских “кольцевидных зооморфных композиций” (см.: [Курочкин, 1993, с. 65]). С этим